

Илья Козлов

СОВЕРШЕННЫЙ
ПОРЯДОК

18+

Козлов Илья

Совершенный порядок

<https://litres.ru/74111736>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысячи литров крови питают поле, отделяющее Акрали от мира. Жрецы молятся Порядку. Город молчит. Агентство посылает троих — не солдат, не дипломатов, а Кураторов. Их задача: сменить режим, не развязывая войны. Но в Акрали любое доброе дело оборачивается жертвой, а любой шаг вперёд — шагом в пропасть. Мрачная антиутопия о том, что иногда самый страшный враг — это собственная вера и порядок.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Козлов Илья

Совершенный порядок

Глава 1

Сквозь ткань походного шатра дождь звучал так, будто небо пересыпало сухой горох из огромного мешка. Внутри пахло не мазями и ладаном, а кислым потом, карболкой и озоном — запахом не до конца угасшего «Натяжения». Орвин склонился над столом, на котором был распластан Хаундаэр. В пальцах лекаря пинцет из тусклого железа выуживал из рваной раны на плече нечто длинное, тонкое и опалесцирующее. Это была «Слеза Жреца» — паразитический сгусток чужой веры. Она извивалась, не желая покидать теплое мясо.

Хаундаэр лежал, глядя в провисший потолок шатра. Лицо его, с заострившимися скулами и родовой татуировкой Проклятых (узор из черных точек, уходящий от виска к скуле), было спокойно, но в провалах глаз тлела не боль, а глубокое, безысходное раздражение.

— Орвин, — голос Хаундаэра был сух, как треск ломающегося тростника. — Оставь это занятие. Если ты не заметил, эта конкретная зараза сожрала сухожилие и теперь лакомится костной тканью. Просто оттяпай руку по сустав. Ты

экономишь мне время, а себе — нервные клетки, которыми ты так дорожишь.

Орвин даже не поднял глаз. Пинцет клацнул, Слеза упала в стеклянную банку с мутной жидкостью и тут же затихла, потеряв цвет.

— Оттяпать? — лекарь хмыкнул, и это было похоже на кашель прокуренного филина. — Какой ты щедрый, агент. Ты сначала рапорт о списании имущества напиши. Знаешь, сколько сейчас стоит протез из зачарованной кости на черном рынке? Твоей пенсии за триста лет выслуги не хватит.

Хаундаэр позволил себе тень улыбки. Высокомерную, как у принца крови, которому слуга осмелился возразить, но принц слишком устал, чтобы казнить дерзкого.

— Я не собираюсь писать рапорт, лекарь. Я написал прошение об отставке. На гербовой бумаге. Без орфографических ошибок. Я выхожу из игры.

На этих словах Орвин замер. Он медленно отложил пинцет, взял грязную тряпку, вытер пальцы и впервые за время процедуры посмотрел прямо в глаза Хаундаэру. И улыбнулся.

— Отставка? Ты? Хаундаэр Лалабар, чей индекс ликвидации в Агентстве приравнен к стихийному бедствию. Чей силуэт жрецы рисуют кровью девственниц на стенах храмов для отпугивания злых духов. Ты собрался выращивать кабачки? Или мемуары писать?

Он взял со стола невзрачный серебряный перстень — Гру-

зило Хаундаэра — и небрежно бросил его на живот раненому. Металл глухо звякнул о пряжку ремня.

— Ты даже не доедешь до того тихого места, о котором мечтаешь. Твоя физиология, Лалабар, заточена под конфликт. Без внешней угрозы твой иммунитет сожрет твое же сердце от скуки. И ты это знаешь.

Хаундаэр скосил глаза на перстень. Кровавый камень в нем слабо пульсировал в такт его сердцебиению.

— Я устал, — протянул он тихо, и на секунду маска высокомерия дала трещину. — Я устал быть богом для тех, кто хочет оставаться червями.

Орвин вернулся к работе. В его пальцах блеснул скальпель.

— Поэтому ты нужен им, Хаундаэр. Боги нужны червям, чтобы было кого проклинать за свои несчастья. А теперь лежи смирно. Будет немного больно. Я должен выжечь остатки «Метки». Кричать разрешается. Плакать — нет.

Орвин лгал. Было не «немного больно». Было так, словно в плечо вбили раскаленный гвоздь и теперь проворачивали, не торопясь, любуясь заусенцами. Хаундаэр не закричал. Он издал тот самый короткий, сдавленный выдох, который издает человек, привыкший к предательству собственного тела. На виске у него вздулась и тут же опала жила. Родовая татуировка Проклятых — черный узор, уходящий от виска к скуле, — на секунду стала похожа на шевелящуюся плесень. Кожа отторгала чужеродное колдовство так же яростно, как

и ее носитель.

— Вот и все, — Орвин бросил на железный поднос что-то похожее на сгусток свернувшихся чернил. От инструмента еще поднимался легкий дымок. — Будешь жить, пока Агентство не придумает для тебя что-нибудь поинтереснее. Руку я тебе сохранил. Писать прошение об отставке будет удобнее двумя руками.

В этот момент полог шатра дрогнул, и внутрь скользнула Квиласи. Дождь успел намочить ее светлые волосы, и теперь они прилипали к вискам, делая ее похожей на усталого ангела из дешевого храмового витража. В пальцах она машинально перебирала нитку простых деревянных бусин — свое Грузило. Взгляд ее, мягкий и слегка рассеянный, остановился на обожженной ране Хаундаэра, и в нем мелькнуло то особое выражение, какое бывает у матерей, глядящих на разбитую коленку ребенка: смесь жалости, укора и готовности немедленно все исправить.

— Орвин, — произнесла она тихо, но с той непреклонной уверенностью, которая заставляет даже старых врачей подвигнуться. — Ты опять жжешь, вместо того чтобы лечить. Отойди-ка.

Она опустилась на край походной койки, отложила бусины и положила ладонь на плечо Хаундаэра, чуть выше ожога. От ее пальцев пошло мягкое, золотистое свечение — не жар, а ласковое тепло, словно ранним утром солнце коснулось кожи. Хаундаэр скрипнул зубами, но через миг напря-

жение ушло из его челюстей. Боль отступала, уступая место глухому, терпимому нытью, которое можно было принять за усталость.

— Спасибо, Кви, — выдавил он, не открывая глаз. — А то этот коновал уже прикидывал, сколько будет стоять протез на черном рынке.

— Не за что, — отозвалась Квиласи, не убирая ладони. — Но, если ты еще раз полезешь под прямой удар Гемогноста, я позволю Элдорн таскать тебя за шкуру. Ты же знаешь, она это любит.

— Элдорн вчера грозилась использовать меня вместо тарана, — пробурчал Хаундаэр. — Кстати, где она? Опять кормит ездовых василисков?

— Снаружи. Строит им шалаш, чтобы не мокли. И заодно отчитывает квартирмейстера за то, что тот не выдал ей дополнительную «дырку» для фуража.

Орвин, укладывавший инструменты в саквояж, фыркнул: — Опять вы со своим жаргоном. «Дырка»! Официально это «Портативный Энтропийный Карман», сокращенно ПЭК. Стоит такая игрушка, как годовой бюджет всего этого лагеря. А вы туда сено пихаете.

— Сено — это святое, — возразила Квиласи, и в голосе ее мелькнула тень улыбки. — У кого-то в «дырке» лежит запасной комплект отмычек и яды, а у меня — сухой корм для животных и запасные носки для всей группы. Приоритеты, доктор.

Хаундаэр невольно усмехнулся. В шатре стало чуть легче дышать. Снаружи, за толстой тканью, жил своей скрытой жизнью большой походный лагерь. Слышался гул голосов, переключка часовых на сторожевых вышках, стук молотка по металлу — где-то в обозе ковали подковы. Ветер доносил обрывки фраз на трех языках и запах дыма от костров. Топазная Пустошь, нейтральная полоса, ничья земля, ночью превращалась в огромный кипящий котел, где бок о бок спали солдаты, агенты, мудрецы-тактики и простые погонщики. Все они ждали сигнала, чтобы двинуться к границе.

— Кви, — вдруг прохрипел Хаундаэр, глядя в провисший потолок шатра. — Ты ведь тоже считаешь, что я дурак?

Целительница убрала руку. Свечение погасло, оставив на коже лишь легкое, приятное покалывание.

— Нет, — ответила она спокойно. — Ты не дурак, Хаундаэр. Ты просто слишком долго считал, что не имеешь права на усталость. А теперь она тебя догнала. И это нормально.

Орвин защелкнул саквояж и поднялся, разминая затекшую спину.

— Нормально, — передразнил он. — Через два дня мы переходим границу материка, а наш главный оперативник мечтает о покое и пенсии. Скажи-ка мне, Амастасия, что вы, Просветленные, видите в будущем? Там нас ждет успех или полный провал?

Квиласи взяла свои бусины и принялась перебирать их снова. Взгляд ее на секунду затуманился, стал далеким, слов-

но она читала строчки невидимой книги.

— Я не заглядываю в будущее по пустякам, Орвин. Но если тебе интересно, то я вижу много крови. Много лжи. И много надежды. Этой крови не обязательно быть нашей.

Полог шатра резко качнулся от сильного порыва ветра, и снаружи донесся низкий, раскатистый голос, похожий на грохот камнепада:

— Квиласи! Скажи этому упрямому интенданту, что, если он не откроет склад, я разнесу его вместе с его паршивой магией! У меня василиски некормленые!

Квиласи вздохнула, поднялась и направилась к выходу.

— Вот так и живем, — бросила она через плечо. — Хаундаэр, не смей вставать до утра. Иначе я лично наложу на тебя сонные чары. И поверь, они будут не из приятных.

Когда полог опустился, в шатре снова воцарилась тишина. Только дождь барабанил по ткани да где-то далеко, в самом сердце лагеря, мерно бил барабан — отбивал ритм для смены караула. Хаундаэр закрыл глаза. Спать не хотелось. Хотелось, чтобы это чувство — чувство, что его окружают не просто коллеги, а настоящие друзья, — длилось как можно дольше. Впереди лежал материк, полный фанатиков и кровавых ритуалов. Акрали. Гемогности. Красные Отцы. Государство, которое умудрилось насолить всем соседям разом, и теперь те скинулись и наняли Агентство — стороннюю силу, чтобы навести там порядок. Толерантными прогрессорскими методами. Что ж, эти методы Хаундаэр знал слишком

хорошо. Обычно они включали в себя много грязи, много крови и еще больше компромиссов с собственной совестью.

— Орвин, — не открывая глаз, спросил он тихо. — Ты веришь, что мы поступаем правильно? Что наше вмешательство — оно действительно нужно этим людям? Что мы не просто наемники, выполняющие контракт?

Лекарь помедлил, поправляя фитиль в масляной лампе. Свет дрогнул, тени метнулись по стенам шатра.

— Я верю, что те, кто нанимает Агентство, платят звонкой монетой, — ответил он наконец. — А насчет правильности... Знаешь, Лалабар, когда я вижу, как жрецы Акрали выкачивают кровь из живого младенца, чтобы предсказать погоду на завтра, я перестаю задавать себе такие вопросы. Спи. Завтра будет долгий день.

Хаундаэр ничего не ответил. Он лежал, слушая шум дождя и далекий бой барабана, и думал о том, что самое страшное в работе куратора — не риск умереть. Самое страшное — это привыкнуть. Привыкнуть к виду детской крови. Привыкнуть к тому, что ты решаешь судьбы народов, даже не спросив их мнения. Привыкнуть и однажды поймать себя на мысли, что покой и тишина страшат тебя больше, чем любая битва.

Глава 2

Утро над Топазной Пустошью вставало медленно и неохотно, словно солнце сомневалось, стоит ли вообще показываться над этим гиблым местом. Туман, густой и липкий, полз между палаток, приглушая звуки. Лагерь просыпался тягуче: где-то перекликались часовые, звенело железо в походной кузнице, и хрипло, надсадно кричал привязной грифон — ему, судя по интонации, опять не доложили мяса.

Хаундаэр шел сквозь эту утреннюю морось, сунув руки в карманы плаща. Плечо, вчера еще горевшее огнем, теперь только тупо ныло — спасибо Квиласи и ее золотым рукам. Рядом шагала Элдорн, и земля под ее сапогами едва заметно вздрагивала. Замыкала процессию Квиласи, на ходу перебиравшая свои деревянные бусины. Вид у нее был отсутствующий — то ли молилась про себя, то ли перебирала в уме список того, что еще нужно уложить в ПЭКи.

Шатер командующей стоял в центре лагеря, и по мере приближения к нему менялся сам воздух. Здесь не пахло навозом и походной кухней. Здесь стоял запах бумаги, сургуча и той особенной, тревожной тишины, которая всегда сопутствует местам, где принимают решения о чужих жизнях.

У входа, скрестив алебарды, стояли двое. На плече каждого сидело по шипокрылу — мелкие, с ворону размером, покрытые роговыми пластинами твари, которые провожали

каждого проходящего немигающим взглядом четырех зрачков. Один из шипокрылов при виде Хаундаэра издал короткий скрежещущий звук, но тут же умолк — признал.

Внутри шатер был вдвое просторнее, чем тот, где лечили Хаундаэра. Посередине стоял длинный раскладной стол, заваленный картами, свитками и глиняными табличками с клинописью — такие использовали для секретных донесений, потому что глину легко раскрошить в пыль. Над столом нависала Олисара. Высокая, сухая, с седеющими волосами, стянутыми в тугой узел. На виске у нее, чуть ниже линии волос, тускло поблескивал вживленный камень — знак высшего ранга Просветленных. Камень был мутным, почти погасшим: Олисара не пользовалась Натяжением уже много лет. Говорили, что после одной из миссий она не могла смотреть на собственные руки без содрогания и с тех пор полагалась только на ум и опыт.

— Входите, — произнесла она, не поднимая головы. — Садитесь. Разговор будет долгим.

Элдорн опустила прямо на пол, скрестив ноги. Квила-си присела на походный табурет. Хаундаэр остался стоять, скрестив предплечья на груди.

Олисара выпрямилась и обвела их взглядом. Взгляд был тяжелый, оценивающий — так смотрят на инструмент, от которого зависит исход сложной операции.

— Ваша группа утверждена как авангард Кураторов в материковой зоне Акрали, — начала она без предисловий. —

Официальная легенда: вы — торговцы из Лиги Свободных Портов. Документы уже готовы. Хаундаэр — старший каравана, специалист по редким тканям. Квиласи — его помощница и переводчица. Элдорн — охранник и оценщик драгоценных камней.

Элдорн хмыкнула, поглаживая свой браслет-ПЭК.

Олисара развернула на столе карту. Хаундаэр подался вперед. Очертания Акрали напоминали рваную рану — островное государство, отделенное от материка узким, но бурным проливом.

— Акрали, — продолжила Олисара, обводя контур острова сухим пальцем. — Столица — Но-Паар. Государство закрытого типа. Граница охраняется силовым полем, которое генерируют храмы Гемогностов. Пройти сквозь поле можно только через официальные порталы. Портал на побережье один, и он находится под круглосуточным наблюдением.

— Значит, контрабанда исключена, — подытожил Хаундаэр.

— Именно. Поэтому вы идете легально. Торговое судно «Олуин» отплывает из порта Топазной Пустоши через трое суток. На борт вы подниметесь как обычные купцы. Ваши ПЭКи запрограммированы на безобидное содержимое — ткани, специи, несколько бочек вина. Это для досмотра. Все остальное получите на месте от нашего резидента в Но-Пааре.

— А резидент нас ждет? — спросила Квиласи.

Олисара помедлила.

— Ждет. Но связь с ним односторонняя. Он выходит на вас сам. Ваша задача — прибыть в Но-Паар, обосноваться там и начать сбор информации.

Она обошла стол и остановилась перед Хаундаэром. Разница в росте была не в его пользу — Олисара оказалась с ним почти вровень.

— Теперь о цели миссии, — произнесла она тише. — Государство Акрали на протяжении последних десяти лет ведет агрессивную экспансию. Их жрецы — Гемогносты, они же Сангвинаты, они же Красные Отцы — разработали технологию извлечения магической энергии из крови. Это не слухи и не пропаганда, Лалабар. Это задокументированный факт. Кровопускание для них — не ритуал в нашем понимании. Это промышленный процесс.

— Значит, они используют собственное население как топливо? — уточнила Квиласи.

— Они используют низшие касты, — ответила Олисара. — В Акрали жесткая иерархия. На вершине — жрецы и аристократия. Ниже — торговцы, ремесленники, военные. Еще ниже — крестьяне и чернорабочие. И в самом низу — каста «отверженных», которую они официально именуют «добровольными дарителями». Именно их кровь питает силовое поле и магическую инфраструктуру страны.

В шатре повисло молчание. Даже Элдорн перестала поглаживать браслет.

— Соседние государства, — продолжила Олисара, — пытались решить проблему дипломатически. Безрезультатно. Тогда был создан консорциум. Лига Свободных Портов, Горная Федерация, Островной Союз — все скинулись и наняли Агентство. Мы — сторонняя сила. Мы не представляем интересы ни одной из этих стран. Мы представляем только здравый смысл и условия контракта.

— И условия контракта гласят?.. — спросил Хаундаэр.

— Смена режима, — сухо ответила Олисара. — Толерантными методами. Вы должны найти способ демонтировать власть Гемогностов, не развязывая полномасштабной войны и не уничтожая государственность Акрали как таковую. Идеальный сценарий: внутренний переворот, возглавленный местными умеренными силами.

— А если умеренных сил там нет? — спросил Хаундаэр.

Олисара посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда ваша задача — сделать так, чтобы они появились. Вы — Кураторы. Вы работаете с реальностью, а не с мечтами. Найдите слабое звено. Завербуйте. Обучите. Поддержите. Если потребуется — уберите тех, кто мешает.

— Толерантными методами, — не удержался Хаундаэр.

— Толерантность, — отчеканила Олисара, — не означает бездействия. Она означает соразмерность усилий. Вы не армия. Вы — скальпель. Работайте точно.

Она вернулась к столу и взяла три сложенных листка плотной бумаги.

— Ваши легенды. Выучите наизусть и сожгите. В Но-Паре вас ждет наш человек. Его кодовое имя — Сойка. Больше я о нем ничего не знаю, и вам знать не положено. Сойка сам вас найдет. Пароль для контакта: «Кажется, в этом году поздняя весна». Отзыв: «Ничего, зато ранняя осень».

— Поэтично, — заметила Квиласи.

— Сойка — местный. У них там все поэтично. Даже пытки у Гемогностов проходят под пение гимнов.

Олисара выпрямилась и обвела всех троих взглядом, который не предвещал ничего хорошего.

— Теперь о том, о чем я не должна вам говорить, но я скажу. Отчеты нашего аналитического отдела расходятся. Одни утверждают, что режим Гемогностов трещит по швам — экономика в упадке, низшие касты бунтуют. Другие — что все это искусно срежиссированная ловушка для внешних сил. Акрали вполне могли намеренно спровоцировать соседей, чтобы заманить к себе Кураторов Агентства. Вы можете оказаться не охотниками, а дичью.

— Поэтому нас трое, — спокойно произнесла Элдорн. — Охотиться на нас — дело хлопотное.

— Поэтому вас трое, — согласилась Олисара. — Группа сбалансирована так, чтобы выжить в любой ситуации. Проклятый, Просветленная и Каменная. Некромантия, целительство и грубая сила. Если вы будете действовать слаженно, справитесь с чем угодно.

Она замолчала, давая им время переварить услышанное.

За пологом шатра прокричал шипокрыл — значит, кто-то прошел мимо.

— Вопросы? — спросила Олисара.

Хаундаэр переглянулся с Квиласи и Элдорн. Вопросов было много, но все они касались деталей, которые станут ясны только на месте.

— Вопросов нет, — утвердил он. — Трое суток на подготовку. Потом — корабль.

— Верно. — Олисара кивнула. — И еще одно, Лалабар. Я знаю, что ты подал прошение об отставке.

Хаундаэр замер.

— В Агентстве нет секретов от командующих, — продолжила она. — Твое прошение лежит у меня на столе. Я его не подписала. И не подпишу, пока эта миссия не будет завершена. Не потому, что я хочу тебя наказать. А потому, что для этой работы нужен человек, которому уже нечего доказывать. Ты идешь туда не за славой и не за чином. Ты идешь, потому что по-другому не умеешь. Это и делает тебя ценным.

Хаундаэр молчал. Квиласи, сидевшая за его спиной, удивилась, но все равно чуть заметно коснулась его локтя — легкий, почти невесомый жест поддержки.

— И еще одно, — добавила Олисара, переводя взгляд на Квиласи и Элдорн. — Я не сомневаюсь в вашей компетентности. Но я хочу, чтобы вы понимали: Акрали — это страна, где реальность и вера переплетены так тесно, что разделить

их почти невозможно. Вы столкнетесь не просто с врагами. Вы столкнетесь с системой, которая оправдывает чудовищные вещи именем божественного порядка. И вам придется решать, где заканчивается ваше право вмешиваться и начинается их право на самоопределение. Я не знаю ответа на этот вопрос. И никто не знает. Думайте сами. Для этого вы и Кураторы.

Она отошла к выходу и откинула полог, впуская в шатер сырой утренний воздух.

— Свободны. Квиласи, задержись ненадолго.

Когда Хаундаэр и Элдорн вышли, туман уже начал рассеиваться. Над лагерем занимался бледный, размытый рассвет. Гатаканати потянулась, и в ее суставах что-то гулко хрустнуло.

— Значит, мы теперь торговцы тканями, — прогудела она. — Никогда не торговала тканями.

— Ты и не будешь, — отозвался Хаундаэр. — Ты будешь молча стоять за моей спиной и выглядеть так, чтобы ни у кого не возникло желания проверить наш груз дважды.

— Это я умею.

Они двинулись сквозь лагерь. Мимо проплывали палатки, загоны для василисков, кузница, где уже стучали молоты. Грифоны на привязи провожали их круглыми глазами. Хаундаэр молчал, прокручивая в голове слова Олисары.

— Хаундаэр, — вдруг произнесла Элдорн, не поворачивая головы. — Ты веришь, что у нас получится?

Он помедлил.

— У нас всегда получалось, Эл. Почему сейчас должно быть иначе?

— Потому что раньше нас не отправляли менять режим целой страны втроем.

— Значит, это новый уровень доверия.

Элдорн хмыкнула. Что-то среднее между смехом и ворчанием.

— Или новый уровень цинизма. Ладно. Пойду проверю, как там наши василиски. Если их не кормить, они начинают смотреть на людей с гастрономическим интересом.

Она свернула в сторону загонов, а Хаундаэр остался стоять посреди лагеря, глядя, как туман окончательно тает над Топазной Пустошью. Впереди был остров. Закрытая страна. Силовое поле. Жрецы, превратившие кровь в валюту. И трое Кураторов, которым предстояло все это изменить.

Он коснулся пальцем перстня-ПЭКа. Холодный металл.

— Ткани и специи, — пробормотал он себе под нос. — Смешно.

И зашагал к своей палатке. До отплытия оставалось трое суток. Нужно было выучить легенду. И разобраться с тем, что Олисара деликатно назвала «отсутствием вопросов». Вопросы у него были. Просто задавать их пока было некому.

Глава 3

Берег Дракона встретил их запахом. Так пахнут только большие порты: соль, гниющая рыба, смола, которой конопатят борта, и едкий дым кузниц, кующих якоря. К этому букету примешивался еще один запах — сладковатый и тяжелый, — так пахли туши морских змеев, которых рыбаки свеживали прямо на пирсе. Говорили, что змеиное мясо — деликатес в Акрали, и местные купцы везли его туда целыми бочками, заливая рассолом с пряностями.

Город был тесным, шумным, пропитанным солью и рыбой. Три тысячи человек, как говорил местный трактирщик, — и все они, казалось, одновременно орали, торговались и тащили куда-то тяжёлые тюки. Для Хаундаэра, привыкшего к военным лагерям, это было слишком многолюдно. Кривые улочки, мощенные битым ракушечником, вели от постоянных дворов к складам, от складов — к тавернам, от таверн — снова к пирсам. В воздухе висела мелкая соленая пыль, оседающая на одежде и волосах. Кричали чайки, похожие на ободранные клочья тумана. Где-то бил барабан — портовые грузчики держали ритм, когда вкатывали на корабль бочки с вином.

Хаундаэр стоял у окна постоянного двора «Сломанный Якорь» и смотрел, как внизу, в узком переулке, два погонщика пытаются развести в разные стороны упирающихся выюч-

ных ящериц. Ящерицы шипели, раздувая горловые мешки, и не двигались с места.

— У тебя такой взгляд, будто ты считаешь, сколько из них доживет до вечера, — раздался голос Квиласи за его спиной.

— Доживут, — ответил он. — Эти твари живучее, чем мы втроем вместе взятые.

Квиласи подошла и встала рядом. Она держала в руках глиняную кружку с горячим отваром — местной травы, от которой шел запах, напоминающий мяту и что-то горькое. За те трое суток, что они провели в дороге от лагеря до Берега Дракона, она почти не разговаривала. Хаундаэр знал, что она просто бережет силы. Просветленные вообще не любят тратить энергию на слова — каждое лишнее слово для них как разменная монета, которую лучше придержать на черный день.

— Элдорн уже на пристани? — спросил он.

— Да. Проверяет груз. Она говорит, что, если хоть одна бочка с вином окажется прокисшей, она лично спустит в трюм того, кто ее грузил.

— И спустит. Она человек слова.

Квиласи сделала глоток и чуть поморщилась — то ли от горечи, то ли от мысли, которая пришла в голову.

— Хаундаэр, — начала она, — я проверила наши ПЭКи. Трижды. Все чисто. Ткани, специи, вино. Никаких следов Натяжения.

— Ты ожидала другого?

— Я ничего не ожидаю. Я просто хочу убедиться, что на таможне нас не вскроют.

Хаундаэр промолчал. Он знал: таможня в Акрали — не просто осмотр груза. Это проверка силовым полем, а поле Гемогностов питается кровью и завязано на магию. Если кто-то из них проколется, если ПЭКи дадут эхо, — план рухнет, не начавшись. Он повернулся к Квиласи и взял кружку из ее рук. Сделал глоток. Отвар был действительно горьким.

— Слушай, — сказал он, — Олисара вчера говорила, что не знает, жива ли наша Сойка. Что контакт может быть утерян. И что тогда мы предоставлены сами себе.

— Я слышала.

— И тебя это не тревожит?

Квиласи посмотрела на него долгим взглядом. Потом взяла кружку обратно.

— Меня тревожит другое, — ответила она. — Меня тревожит, что ты до сих пор не рассказал нам, почему хочешь уйти. Не формально — «устал, надоело». А по-настоящему.

Хаундаэр снова отвернулся к окну. Ящериц наконец-то развели — они нехотя побрели в разные стороны, цокая когтями по ракушечнику.

— Может, я скажу тебе это, когда мы вернемся, — произнес он.

— Если вернемся.

— Ты же не веришь в «если». Ты Просветленная.

— Я Просветленная, которая слишком хорошо понимает

туманность будущего.

Она поставила кружку на подоконник и направилась к двери.

— Собирайся. Через час грузимся. Если опоздаешь, Элдорн и тебя спустит в трюм.

Когда дверь за ней закрылась, Хаундаэр еще постоял у окна, глядя на серое небо и чаек, которые кружили над рыбным рынком. Потом взял плащ и вышел.

Пристань Берега Дракона тянулась на пол-лиги. Здесь теснились суда всех мастей: рыбацкие баркасы, купеческие галеры, военные нефы под флагами Лиги Свободных Портов и пара пузатых океанских шхун, которые ходили в далекие воды, куда даже Агентство не засылало своих Кураторов.

«Олуин» стоял у дальнего пирса. Это было крепкое двухмачтовое судно с обшивкой из темного дерева и носовой фигурой, изображавшей то ли дельфина, то ли дракона — резчик явно был пьян в процессе работы. На палубе уже сушились матросы, а на пирсе, широко расставив ноги, стояла Элдорн и наблюдала за погрузкой с таким видом, с каким полководец наблюдает за расстановкой войск перед битвой.

— Опаздываешь, — бросила она, когда Хаундаэр подошел. — Я уже решила, что ты передумал и уехал в отставку прямо сейчас.

— И бросить вас одних? — он покачал головой. — Кто тогда будет таскать ваши сундуки?

— Ты не любишь таскать сундуки.

— Поэтому я и стою здесь, а не там.

Элдорн хмыкнула и кивнула на корабль:

— Груз на борту. Капитан — старый морской волк по имени Даррас. Говорит, что ходит этим маршрутом двадцать лет и знает пролив как свои пять пальцев. Еще он говорит, что силовое поле Акрали в последние месяцы стало плотнее.

— Плотнее?

— Да. Раньше оно пропускало торговцев без проблем. Теперь — задержки, досмотры, иногда аресты. Даррас сказал, что его третьего помощника в прошлый рейс задержали на шесть часов. Допрашивали. Парень до сих пор заикается.

Хаундаэр посмотрел в сторону горизонта, где море сливалось с серым небом. Где-то там, за этой серой пеленой, лежал остров Акрали. И силовое поле, которое питалось человеческой кровью.

— Значит, идем как по лезвию, — произнес он.

— Как всегда, — отозвалась Элдорн. — Пойдем, капитан хочет предупредить нас о чем-то еще.

Капитан Даррас оказался сухим, как вобла, стариком с выдубленной ветром физиономией и отсутствующим левым ухом. Он стоял на капитанском мостике, вцепившись в штурвал, хотя корабль еще и не думал отчаливать.

— Пассажиры, — произнес он вместо приветствия. — Трое. Торговцы. Агентство. Я вожу Кураторов пятнадцать лет. Значит так: на борту я — бог. Вы делаете, что я говорю. Особенно ты, — он ткнул пальцем в Элдорн. — Я знаю твой

тип. Сундуки не таскать, с матросами не драться. Уговор?

Элдорн усмехнулась. — Уговор. — Тогда отчаливаем через час.

Он отвернулся к штурвалу, давая понять, что разговор окончен.

Хаундаэр спустился на палубу. Квиласи уже была там — сидела на бухте каната, перебирая бусины, и смотрела на закат, который начинал разгораться над Берегом Дракона.

— Он знает, кто мы, — констатировал Хаундаэр, подсаживаясь рядом.

— Я знаю, — ответила она. — Я прочитала это в его взгляде, как только мы поднялись на борт.

— И молчала?

— А зачем говорить? То, что знает капитан контрабандистов, не имеет значения. Важно то, что знают таможенники Акрали.

Она повернулась к нему, и в ее глазах отразилось закатное солнце.

— Хаундаэр, — сказала она тихо. — Когда мы сойдем на берег, обратного пути не будет. Ты понимаешь это?

— Понимаю.

— И ты все еще хочешь идти?

Он посмотрел на море, на чаек, на дым над портовыми трубами, на Элдорн, которая внизу, на пирсе, давала последние указания грузчикам с таким напором, что те едва не падали в воду.

— Хочу, — ответил он.

И это была правда. Несмотря на усталость. Несмотря на прошение об отставке, которое осталось лежать на столе Олисары. Несмотря на все.

Он хотел идти.

— Тогда идем, — улыбнулась Квиласи и сжала его ладонь.

Через час «Олуин» поднял паруса и медленно, тяжело двинулся прочь от Берега Дракона. Порт уменьшался в размерах, превращаясь в полоску огня на фоне темнеющего неба. Впереди лежал пролив. А за ним — Акрали.

Хаундаэр стоял на носу и смотрел вперед. Ветер трепал его волосы, а холодные брызги оседали на щеках.

Где-то в недрах его перстня-ПЭКа ждали своего часа ткани и специи. Где-то впереди ждала страна, которая превратила кровь в индустрию.

А где-то глубоко внутри него самого ждало то, о чем он не поведал ни Квиласи, ни Элдорн, ни даже Олисаре.

То, ради чего он на самом деле шел в Акрали.

Но об этом — позже. Сейчас был только ветер, море и скрип корабельных снастей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.